

Кирилл Аксасский

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕАТР : ПЬЕСЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

К 200-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Революционер

человек обречённый

СОВРЕМЕННОГО ПИСАТЕЛЯ

С днём рождения, Иван Сергеевич! Часть II

НОВЬ ПОД ПЛУГОМ

16+

ПО РОМАНУ И. С. ТУРГЕНЕВА «НОВЬ»

Кирилл Аксасский

НОВЬ ПОД ПЛУГОМ

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Аксасский К. Ю.

Новь под плугом / К. Ю. Аксасский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Это вторая часть пьесы "С днём рождения, Иван Сергеевич", написанной автором к 200-летию И. С. Тургенева по его романам "Дым" (см. первую часть пьесы "Дым отечества") и "Новь". Официальная российская пропаганда постаралась не заметить этого юбилея, поскольку оба романа крайне актуальны в нашей нынешней жизни. Именно поэтому российские театры, в свою очередь, постараются не заметить этой пьесы. Поставьте спектакль себе сами - не пожалеете.

© Аксасский К. Ю., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Действующие лица	6
Действие первое	7
Картина первая	7
Картина вторая	8
Картина третья	9
Картина четвёртая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

И. С. Тургеневу

С днём рождения, Иван Сергеевич!

Фантазия для театра на вечные российские темы в двух частях

Пьеса написана к 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева – 9 ноября 1818 года.

Часть II. Новь под плугом

В двух действиях с антрактом

По роману И. С. Тургенева «Новь»

Действующие лица

Лаврецкий Фёдор Иванович – актёр, исполняющий роль Соломина Василия Федотыча, персонажа романа И. С. Тургенева «Новь»

Колосов Андрей Николаевич – актёр, исполняющий роль Сипягина Бориса Андреевича, персонажа романа И. С. Тургенева «Новь»

Пасынков Яков Григорьевич – актёр, исполняющий роль Паклина Силы Самсоныча персонажа романа И. С. Тургенева «Новь»

Санин Дмитрий Павлович – актёр, исполняющий роль Нежданова Алексея Дмитриевича, персонажа романа И. С. Тургенева «Новь»

Кирсанов Павел Петрович – актёр, исполняющий роль Калломейцева Семена Петровича, персонажа романа И. С. Тургенева «Новь»

Одинцова Анна Сергеевна – актриса, исполняющая роль персонажа романа И. С. Тургенева «Новь» Синецкой Марианны Викентьевны – племянницы Сипягина

Стахова Елена Николаевна – приглашённый режиссёр-постановщик спектакля «С днём рождения, Иван Сергеевич» в Приокском областном драматическом театре, а также исполнительница ролей Машуриной и Сипягиной Валентины Михайловны, персонажей романа И. С. Тургенева «Новь»

Аксасский Кирилл Юрьевич – драматург, автор пьесы «С днём рождения, Иван Сергеевич», которую ставят в Приокском областном драматическом театре

Голос Василия Николаевича

Действие первое

Картина первая

Понедельник 8 октября 2018 года, после полудня, 13–30. Зал и сцена Приокского областного драматического театра. В глубине сцены под острым углом и встык друг к другу стоят две белые высокие длинные передвижные стены-панели. На стены проецируется эпиграф к роману И. С. Тургенева «Новь»: на левую в две строки —

*"Поднимать следует новь
не поверхностно скользящей сохой
на правую в две строки —
но глубоко забирающим плугом".*

Из записок хозяина-агронома

В средней части сцены стоят стол и четыре стула вокруг него, слева от стола и за ним — железная кровать, справа от стола и за ним — этажерка, заваленная книгами.

На сцену из-за левой кулисы общей группой, за исключением Колосова, выходят актёры, оживлённо разговаривая и смеясь.

Стахова с Аксасским выходят из-за левой кулисы чуть позднее этой группы.

Последним из-за правой кулисы появляется Колосов.

Стахова. Продолжаем, коллеги. Сейчас показываем вторую часть нашего спектакля «С днём рождения, Иван Сергеевич» автору одноимённой пьесы – Кириллу Юрьевичу Аксасскому. Эта часть называется «Новь под плугом» и основана на романе Тургенева «Новь». (*Поворачивается к Аксасскому*). Кирилл Юрьевич, с актёрами утром перед прогоном первой части «Дым отечества» я Вас уже знакомила, а с актрисой, Анной Сергеевной Одинцовой, Вы познакомились на нашем общем обеде.

Аксасский. Да-да, я всех актёров хорошо запомнил по первой части спектакля и последующему ее обсуждению, а с Анной Сергеевной мы сидели за одним столом на обеде.

Стахова. Кирилл Юрьевич, представляю Вам, кто какие роли играет во второй части нашего спектакля.

Фёдор Иванович Лаврецкий – Соломин;

Андрей Николаевич Колосов – Сипягин;

Дмитрий Павлович Санин – Нежданов;

Яков Григорьевич Пасынков – Паклин;

Павел Петрович Кирсанов – Калломейцев;

Анна Сергеевна Одинцова – Марианна;

Кроме того, Кирилл Юрьевич, я сама исполняю роли Машуриной и Сипягиной.

Аксасский. Всё понятно.

Стахова. Господа, работаем таким же образом, как и с первой частью спектакля: после прогона обсуждаем его с автором пьесы. Вновь напоминаю, что до премьеры 9 ноября, в день рождения Ивана Сергеевича, остаётся всего лишь месяц. Так что работаем в полную силу и автора пытаем по полной: мы в следующий раз увидим его только на премьере. Все по местам. Начинаем.

Аксасский спускается в зрительный зал и садится на место в 7 ряду, слева от центрального прохода. Остальные уходят за кулисы.

Картина вторая

Сцена на мгновение погружается в темноту, стены немного отодвигаются друг от друга, образуя высокую узкую щель, затем на стены подаётся тёмно-синий цвет, а на щель круглое красное пятно, которое высвечивает фигуру Машуриной.¹

Голос Василия Николаевича (*медлительный, глухой*). О, ты, что желаешь переступить этот порог, – знаешь ли ты, что тебя ожидает?

Машурина. Знаю.

Голос Василия Николаевича. Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть?

Машурина. Знаю.

Голос Василия Николаевича. Отчуждение полное, одиночество?

Машурина. Знаю. Я готова. Я перенесу все страдания, все удары.

Голос Василия Николаевича. Не только от врагов – но и от родных, от друзей?

Машурина. Да... и от них.

Голос Василия Николаевича. Хорошо. Ты готова на жертву?

Машурина. Да.

Голос Василия Николаевича. На безымянную жертву? Ты погибнешь – и никто... никто не будет даже знать, чью память почтить!

Машурина. Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не нужно имени.

Голос Василия Николаевича. Готова ли ты на преступление?

Машурина (*потупив голову, с паузой*). И на преступление готова.

Пауза.

Голос Василия Николаевича. Знаешь ли ты, что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь?

Машурина. Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

Голос Василия Николаевича. Войди!

Машурина делает шаг вперёд, стены с лязгом сдвигаются за ней встык друг к другу, сцена и зал погружаются в темноту.

Голос Сипягиной (*из глубины зала*). Дура!

Голос Марианны (*из глубины сцены*). Святая!

¹ В картине используется стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Порог».

Картина третья

На сцену подаётся освещение, в зале включается обычная подсветка. Стены повернуты, образуя одну линию, параллельную краю сцены, между ними высокая узкая щель. Они выдвинуты из глубины сцены вперёд так, что кровать оказывается стоящей у левой стены, а этажерка – у правой. На стены проецируется узнаваемый силуэт Петербурга с Петропавловской крепостью. В комнате Нежданова у стола сидит Машурина, женщина лет тридцати, простоволосая, в черном шерстяном платье, и закуривает папироску. В щель между стенами входит Паклин и, прихрамывая, подходит к Машуриной.

Паклин. Как вы поживаете, любезнейшая... любезнейшая. Ведь вот как это досадно! Всегда я забываю, как вас по имени и по отчеству!

Голос Василия Николаевича (*медлительный, глухой*). Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией.²

Машурина (*пожимает плечами*). И совсем это не нужно знать! Вам моя фамилия известна. Чего же больше! И что за вопрос: как вы поживаете? Разве вы не видите, что я живу?

Паклин (*раздувая ноздри и подергивая бровями*). Совершенно, совершенно справедливо! Не были бы вы живы – ваш покорный слуга не имел бы удовольствия вас здесь видеть и беседовать с вами! Припишите мой вопрос застарелой дурной привычке. Вот и насчет имени и отчества... Знаете: как-то неловко говорить прямо: Машурина! Мне, правда, известно, что вы и под письмами вашими иначе не подписываетесь, как Бонапарт! – то бишь: Машурина! Но все-таки в разговоре ...

Машурина. Да кто вас просит со мной разговаривать?

Паклин. (*смеётся нервически, как бы захлебываясь*). Ну, полноте, милая, голубушка, дайте вашу руку, не сердитесь, ведь я знаю: вы предобрая – и я тоже добрый... Ну? (*Протягивает руку.*)

Машурина (*мрачно смотрит на Паклина и подаёт ему свою руку*). Если вам непременно нужно знать мое имя, извольте: меня зовут Фёклой.

Паклин. Но в таком случае скажите мне, о Фёкла! скажите мне, отчего вы так недружелюбно, так постоянно недружелюбно относитесь ко мне, между тем как я...

Машурина. Так как вы на все предметы смотрите с их смешной стороны, то и положиться на вас нельзя.

Паклин (*круто поворачивается на каблучках*). Вот она, вот постоянная ошибка людей, которые обо мне судят, почтеннейшая Фёкла! Во-первых, я не всегда смеюсь, а во-вторых – это ничему не мешает и положиться на меня можно, что и доказывается лестным доверием, которым я не раз пользовался в ваших же рядах! Я честный человек, почтеннейшая Фёкла! (*Качая головой, печально.*) Нет! Я не всегда смеюсь! Я вовсе не веселый человек! Однако где же это пропадает наш хозяин? Да... именно... где пропадает наш хозяин? Я замечаю: он с некоторых пор словно не в духе. Уж не влюблен ли он, боже сохрани!

Машурина (*хмуро*). Он пошел в библиотеку за книгами, а влюбляться ему некогда и не в кого.

Паклин (*громко*). Я потому желаю его видеть, что мне нужно переговорить с ним по одному важному делу.

Машурина. По какому это делу? По нашему?

² Пункт 1 из части «Отношение революционера к самому себе» «Катехизиса революционера» (1871 год) С. Г. Нечаева.

Паклин. А, может быть, и по вашему... то есть по нашему, общему.

Машурина. Да вот он идет, наконец.

Дверь отворяется и входит со связкой книг под мышкой Нежданов, роняет книги на пол у этажерки, подходит к кровати и ложится.

Паклин. Что с тобой, Алексей Дмитриевич, российский Гамлет? Огорчил кто тебя? Или так – без причины – взгрустнулось?

Нежданов. Перестань, пожалуйста, российский Мефистофель. Мне не до того, чтобы препираться с тобою плоскими остротами.

Паклин (*засмеялся*). Ты неточно выражаешься: коли остро, так не плоско, коли плоско, так не остро.

Нежданов. Ну, хорошо, хорошо... Ты, известно, умница.

Паклин (*произносит с расстановкой*) А ты в нервном состоянии. Али в самом деле что случилось?

Нежданов (*подскакивает на постели, словно его что подбросило, кричит внезапно зазвеневшим голосом*). Какая тебе еще неприятность нужна? Пол-России с голода помирает, везде шпионство, притеснения, доносы, ложь и фальшь – шагу нам ступить некуда... а ему все мало, он ждет еще новой неприятности, он думает, что я шучу... (*Понизив тон.*) Басанова арестовали, мне в библиотеке сказывали.

Паклин. Любезный друг, Алексей Дмитриевич, ты взволнован дело понятное... Да разве ты забыл, в какое время и в какой стране мы живем? Ведь у нас утопающий сам должен сочинить ту соломинку, за которую ему приходится ухватиться! Где уж тут миндальничать?! Надо, брат, черту в глаза уметь смотреть, а не раздражаться по-ребячьи...

Нежданов (*тоскливо, морицась, словно от боли*). Ах, пожалуйста, пожалуйста! Ты, известное дело, энергический мужчина – ты ничего и никого не боишься...

Паклин. Я-то никого не боюсь?!

Нежданов. Кто только мог выдать Басанова? Не понимаю!

Паклин. А известное дело – приятель. Они на это молодцы, приятели-то. С ними держи ухо востро!

Нежданов. Ничего не случилось особенного; а случилось то, что нельзя носа на улицу высунуть в этом гадком городе, чтоб не наткнуться на какую-нибудь пошлость, глупость, на безобразную несправедливость, на чепуху! Жить здесь больше невозможно.

Паклин. То-то ты в газетах публиковал, что ищешь место домашнего учителя и согласен на отъезд.

Нежданов. И, конечно, с величайшим удовольствием уеду отсюда! Лишь бы нашелся дурак – место предложил!

Голос Василия Николаевича (*медлительный, глухой*). Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.³

Машурина (*значительно, глядя в сторону*). Сперва надо здесь свою обязанность исполнить.

Нежданов. То есть?

Машурина. От Василия Николаевича письмо из Москвы пришло.

³ Четвёртое предложение из пункта 7 части «Отношение революционера к самому себе» «Катехизиса революционера» (1871 год) С. Г. Нечаева.

Машурина вытаскивает из рукава платья тщательно сложенный клочок синей бумаги; неизвестно зачем дует на него и подаёт Нежданову.

Тот взял бумажку, развернул ее, прочел внимательно и хотел вернуть Машуриной, но увидел, что Паклин протягивал за нею руку, пожал плечом и передал ему.

Паклин пробежал глазами и торжественно положил на стол.

Машурина взяла ее и сожгла дотла в пепельнице, стоящей на столе.

Машурина. Так что, Алексей Дмитриевич, мне ехать надо.

Нежданов. За чем же дело стало?

Машурина. Да известно за чем... за деньгами.

Нежданов (*поднялся с кровати и подошел к столу*). Много нужно?

Машурина. Пятьдесят рублей... Меньше нельзя.

Нежданов (*молчит, потом тихо говорит, постукивая пальцами по столу*). У меня теперь их нет, но... я могу достать. Я достану.

Паклин (*Машуриной*). Вы нуждаетесь в деньгах... а у Нежданова их теперь нет... Так я могу дать.

Нежданов. Нет... нет... это к чему же? Я достану...

Паклин. Да что вы все от меня хоронитесь? Неужто я не заслужил вашего доверия? Если бы я даже не вполне сочувствовал... тому, что вы предпринимаете, – неужто же вы полагаете, что я в состоянии изменить или разболтать? Вот госпожа Машурина глядит на меня и улыбается... а я скажу...

Машурина (*раздражённо*). Я нисколько не улыбаюсь.

Паклин. А я скажу, что у вас, господа, чутья нет; что вы не умеете различить, кто ваши настоящие друзья! Человек смеется – вы и думаете: он несерьезный ...

Машурина. А то небось нет?

Паклин. Так что же? Принимается моя жертва на алтарь отечества или нет? Позволяется мне поднести если не все пятьдесят, то хоть двадцать пять или тридцать рублей на общее дело?

Нежданов (*вдруг вспыхнул весь, говорит с накипевшей досадой*). Я уже сказал тебе, что это не нужно, не нужно... не нужно! Я этого не допущу и не приму. Я достану деньги, я сейчас же их достану. Я не нуждаюсь ни в чьей помощи!

Паклин. Ну, брат, я вижу: ты хоть и революционер, а не демократ!

Нежданов. Скажи прямо, что я аристократ!

Паклин. Да ты и точно аристократ... до некоторой степени.

Нежданов (*принужденно засмеялся*). То есть ты хочешь намекнуть на то, что я незаконный сын. Напрасно трудишься, любезный... Я и без тебя этого не забываю.

Паклин (*всплеснул руками*). Алеша, помилуй, что с тобою! Как можно так понимать мои слова! Я не узнаю тебя сегодня. Арест Басанова тебя расстроил, но ведь он сам так неосторожно вел себя...

Голос Василия Николаевича (*медлительный, глухой*). Революционер – человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады.⁴

Машурина. Он не скрывал своих убеждений, не нам его осуждать!

Паклин. Да; только ему следовало бы тоже подумать о других, которых он теперь скомпрометирует может.

⁴ Первое и второе предложения из пункта 5 части «Отношение революционера к самому себе» «Катехизиса революционера» (1871 год) С. Г. Нечаева.

Голос Василия Николаевича (*медлительный, глухой*). Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.⁵

Машурина. Почему вы так о нем полагаете? Басанов человек с характером твердым; он никого не выдаст. А что до осторожности... знаете что? Не всякому дано быть осторожным, господин Паклин!

Нежданов. Господа! Сделайте одолжение, бросимте на время политику!

Пауза.

Паклин. Я сегодня встретил Скоропихина, нашего всероссийского критика, и эстетика, и энтузиаста. Что за несносное создание! Вечно закипает и шипит, ни дать ни взять бутылка дрянных кислых шей... Превредный для молодых людей индивидууй!

Голос Василия Николаевича (*медлительный, глухой*). Революционер презирает всякое доктринерство и отказывается от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения.⁶

Машурина. О молодых людях, которые способны интересоваться эстетикой, жалеть нечего, даже если Скоропихин и собьет их с толку.

Паклин (*с жаром*). Но помилуйте, постойте, тут вопрос, положим, не политический, но все-таки важный. Послушать Скоропихина, всякое старое художественное произведение уж по тому самому не годится никуда, что оно старо... Да в таком случае искусство, искусство вообще – не что иное, как мода, и говорить серьезно о нем не стоит! Если в нем нет ничего незыблемого, вечного – так черт с ним! В науке, в математике, например: не считаете же вы Эйлера, Лапласа, Гаусса за отживших пошляков? Вы готовы признать их авторитет, а Рафаэль или Моцарт – дураки? И ваша гордость возмущается против их авторитета? Законы искусства труднее уловить, чем законы науки... согласен; но они существуют – и кто их не видит, тот слепец; добровольный или недобровольный – все равно!

Голос Василия Николаевича (*медлительный, глухой*). Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодной страстью революционного дела.⁷

Машурина. И все-таки я тех молодых людей, которых сбивает Скоропихин, нисколько не жалею.

В щели между дальними краями стен появляется фигура Сипягина, мужчины лет под сорок, высокого росту, стройного и величавого, одетого в прекраснейшее драповое пальто с превосходнейшим брововым воротником.

Сипягин. Господин Нежданов дома?

Нежданов, Машурина, Паклин переглядываются в изумлении.

Сипягин. Дома господин Нежданов?

Нежданов. Дома.

⁵ Четвёртое и пятое предложения из пункта 5 части «Отношение революционера к самому себе» «Катехизиса революционера» (1871 год) С. Г. Нечаева.

⁶ Первое и второе предложения из пункта 3 части «Отношение революционера к самому себе» «Катехизиса революционера» (1871 год) С. Г. Нечаева.

⁷ Второе предложения из пункта 6 части «Отношение революционера к самому себе» «Катехизиса революционера» (1871 год) С. Г. Нечаева.

Сипягин входит в дверь и подходит к Нежданову.

Сипягин (*благодарно осклабясь*). Я уже имел удовольствие встретиться и даже беседовать с вами, господин Нежданов, третьего дня, если изволите припомнить, – в театре. (*Сипягин остановился, как бы выжидая; Нежданов слегка кивнул головою и покраснел.*) Да! А сегодня я явился к вам вследствие объявления, помещенного вами в газетах... Я бы желал переговорить с вами, если только не стесню господ присутствующих (*Сипягин поклонился Машуриной и повел рукой, облеченной в сероватую шведскую перчатку, в направлении Паклина*) и не помешаю им...

Нежданов (*не без некоторого труда*). Нет... отчего же... Эти господа позволят... Не угодно ли вам присесть?

Сипягин, взявшись за спинку стула, приблизил его к себе, но не сел, так как все в комнате стояли.

Машурина. Прощайте, Алексей Дмитрич, я зайду после. (*Уходит.*)

Сипягин проводил её учтивым, слегка любопытным взором и устремил его потом на Паклина, как бы ожидая, что и тот последует её примеру.

Но Паклин, на лице которого с самого появления Сипягина засветилась особенная сдержанная улыбка, отошел в сторону и приотился около этажерки.

Сипягин опустился на стул. Нежданов сел тоже.

Сипягин (*с горделивой скромностью*). Моя фамилия – Сипягин, может быть, слышали. Я узнал из газет, что вы готовы ехать работать домашним учителем, и я пришел к вам со следующим предложением. Я женат; у меня один сын – девяти лет; мальчик, скажу прямо, очень даровитый. Большую часть лета и осени мы проводим в деревне, в С...ой губернии, в пяти верстах от губернского города. Так вот: не угодно ли вам будет ехать туда с нами на это время, учить моего сына русскому языку и истории – тем предметам, о которых вы упоминаете в вашем объявлении? Смею думать, что вы останетесь довольны мною, моим семейством и самым местоположением усадьбы. Прекрасный сад, река, воздух хороший, поместительный дом... Согласны вы? В таком случае остается только узнать ваши условия, хотя я не полагаю, чтобы на этот счет могли возникнуть у нас с вами какие-либо затруднения.

Нежданов (*после паузы, несколько уторопленным образом*). Конечно, я... согласен... с охотой... хотя я должен признаться... что не могу не чувствовать некоторого удивления... так как у меня нет никакой рекомендации... да и самые мнения, которые я высказал третьего дня в театре, должны были скорей отклонить вас...

Сипягин (*осклабясь*). В этом вы совершенно ошибаетесь, любезный Алексей... Алексей Дмитрич! так, кажется? Я, смею сказать, известен как человек убеждений либеральных, прогрессивных; и напротив, ваши мнения, за устранением всего того, что в них свойственно молодости, склонной – не взыщите! – к некоторому преувеличению, эти ваши мнения нисколько не противоречат моим – и даже нравятся мне своим юношеским жаром!

Жена моя разделяет мой образ мыслей, ее воззрения, быть может, даже ближе подходят к вашим, чем к моим; понятное дело: она моложе! Когда на другой день после нашего свидания я прочел в газетах ваше имя, которое вы, замечу кстати, против общего обыкновения опубликовали вместе с вашим адресом (а узнал я ваше имя уже в театре), то... это... этот факт меня поразил. Я увидел в нем – в этом сопоставлении – некий... извините суеверность выражения... некий, так сказать, перст рока!

Вы упомянули о рекомендации; но мне никакой рекомендации не нужно. Ваша наружность, ваша личность возбуждают мою симпатию. Сего мне довольно. Я привык верить своему глазу. Итак – я могу надеяться? Вы согласны?

Нежданов. Согласен... конечно... и постараюсь оправдать ваше доверие. Только об одном позвольте мне теперь же вас предупредить: быть учителем вашего сына я готов, но не гувернером. Я на это не способен – да и не хочу закабалиться, не хочу лишиться моей свободы.

Сипягин (*легонько повел по воздуху рукою, как бы отгоняя муху*). Будьте спокойны, мой любезнейший... Вы не из той муки, из которой пекутся гувернеры; да мне гувернера и не нужно. Я ищу учителя – и нашел его. Ну, а как же условия? Денежные условия? Презренный металл?

Нежданов затрудняется, что сказать...

Сипягин (*нагнувшись вперед всем корпусом и ласково тронул концами пальцев колени Нежданова*). Послушайте, между порядочными людьми подобные вопросы разрешаются двумя словами. Предлагаю вам сто рублей в месяц; путевые издержки туда и назад, конечно, на мой счет. Вы согласны?

Нежданов (*опять покраснев*). Это гораздо больше, чем я намерен был запросить... потому что... я...

Сипягин (*перебивая*). Прекрасно, прекрасно... Я смотрю на это дело как на решенное... а на вас – как на домочадца. (*Поднялся со стула и вдруг весь повеселел и распустился, словно подарок получил. Во всех его движениях проявилась некоторая приятная фамиллярность и даже шутливость. Продолжает развязным тоном.*) Мы уезжаем на днях, я люблю встречать весну в деревне, хотя я, по роду своих занятий, прозаический человек и прикован к городу... А потому позвольте считать первый ваш месяц, начиная с нынешнего же дня. Жена моя с сыном теперь уже в Москве. Она отправилась вперед. Мы их найдем в деревне... на лоне природы. Мы с вами поедем вместе... холостяками... (*Кокетливо и коротко смеётся в нос.*) Хе, хе! А теперь... (*Достаёт из кармана пальто серебряный с черною портфельчик и вынимает оттуда карточку.*) Вот мой здешний адрес. Зайдите – хоть завтра. Так... часов в двенадцать. Мы еще потолкуем. Я разовью вам кое-какие свои мысли насчет воспитания... Ну и день отъезда мы решим. (*Взяв руку Нежданова, понизив голос и искоса поставив голову.*) И знаете что? Если вы нуждаетесь в задатке... Пожалуйста, не церемоньтесь! Хоть месяц вперед!

Нежданов (*в замешательстве*). Я, если позволите, вам это завтра скажу.

Сипягин (*выпустив руку Нежданова*). Отлично! Итак – до свиданья! До завтра!

Нежданов. Позвольте вас спросить, вы вот сейчас сказали мне, что уже в театре узнали, как меня зовут. От кого вы это узнали?

Сипягин. От кого? Да от одного вашего хорошего знакомого и, кажется, родственника, князя... князя Г.

Нежданов. Флигель-адъютанта?

Сипягин. Да; от него.

Сипягин снова пожал руку Нежданову и, поклонившись, сперва ему, а потом Паклину, надел шляпу перед самой дверью и вышел.

Паклин (*бросившись к Нежданову*). Вот какого ты осетра залучил! (*Хихикая и топоча ногами.*) Ведь это ты знаешь ли кто? Известный Сипягин, камергер, в некотором роде общественный столп, будущий министр!

Нежданов (*угрюмо*). Мне он совершенно неизвестен.

Паклин (*отчаянно взмахнув руками*). В том-то и наша беда, Алексей Дмитрич, что мы никого не знаем! Хотим действовать, хотим целый мир кверху дном перевернуть, а живем в стороне от самого этого мира, водимся только с двумя-тремя приятелями, толчемся на месте, в узеньком кружке...

Нежданов (*перебивая*). Извини, это неправда. Мы только с врагами нашими знаться не хотим, а с людьми нашего пошиба, с народом, мы вступаем в постоянные сношения.

Паклин (*перебивая*). Стой, стой, стой, стой! Во-первых, что касается врагов, то позволь тебе припомнить стих Гете: Кто хочет понять поэта, должен побывать в его стране...

А я говорю: Кто хочет понять врага, должен побывать в его стране...

Чуждаться врагов своих, не знать их обычая и быта – нелепо! Не... ле... по!.. Да! да! Коли я хочу подстрелить волка в лесу – я должен знать все его лазы... Во-вторых, ты вот сейчас сказал: сблизаться с народом... Душа моя! Поляки во время восстания в 1863 году уходили "до лясу" – в лес; и мы уходим теперь в тот же лес, сиречь в народ, который для нас глух и темен не хуже любого леса!

Голос Василия Николаевича (*медлительный, глухой*). Революционеры должны проникнуть всюду, во все слои, высшие и средние, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в третье отделение и даже в Зимний дворец.⁸

Нежданов. Так что ж, по-твоему, делать?

Паклин (*мрачно*). В Индии есть скульптурное изображение бога Вишну – называется оно Джаггернаут. Во время празднеств в честь Джаггернаута устраиваются шествия с его изображением на колеснице. Индийцы бросаются под колесницу Джаггернаута, она их давит, и они умирают – в блаженстве. У нас есть тоже свой Джаггернаут... Давить-то он нас давит, но блаженства не доставляет.

Нежданов (*чуть не с криком*). Так что ж, по-твоему, делать? Повести с "направлением" писать, что ли?

Паклин (*расставив руки и наклонив голову к левому плечу*). Повести – во всяком случае – писать ты бы мог, так как в тебе есть литературная жилка... Ну, не сердись, не буду! Я знаю, ты не любишь, чтобы на это намекали; но я с тобою согласен: сочинять этикие штучки с "начинкой", да еще с новомодными оборотами: "Ах! я вас люблю! – подскочила она...", "Мне все равно! – почесался он" – дело куда невеселое! Оттого-то я и повторяю: сблизайтесь со всеми сословиями, начиная с высшего! Не все же полагаться на одних Машариных! Честные они, хорошие люди – зато глупы! глупы!! Ты посмотри на неё. Ведь отчего она сейчас ушла отсюда? Она не хотела остаться в одной комнате, дышать одним воздухом с аристократом!

Нежданов. Если она не хочет остаться в одной комнате с аристократом, то я её хвалю за это; а главное: она собой пожертвовать сумеет, – и, если нужно, на смерть пойдет, чего мы с тобой никогда не сделаем!

Паклин (*скорчил жалкую рожицу*). Где же мне сражаться, друг мой, Алексей Дмитрич! Помилуй! Но в сторону все это... Повторяю: я душевно рад твоему сближению с господином Сипягиным и даже предвижу большую пользу от этого сближения – для нашего дела. Ты попадешь в высший круг! Увидишь этих львиц, этих женщин с бархатным телом на стальных пружинах; изучай их, брат, изучай! Если б ты был эпикурейцем, я бы даже боялся за тебя... право! Но ведь ты не с этой целью едешь!

Нежданов. Я еду, чтобы зубов не положить на полку...

Паклин. Ну, конечно! конечно! Потому я и говорю тебе: изучай! (*Потянул воздух носом.*) Какой, однако, запах за собою этот барин оставил! Вот оно, настоящее-то "амбре", о котором мечтала городничиха в "Ревизоре"!

⁸ Второе предложение из пункта 14 части «Отношение революционера к обществу» «Катехизиса революционера» (1871 год) С. Г. Нечаева.

Нежданов (*глухо*). Он обо мне князя Г. расспрашивал, ему, должно быть, теперь вся моя история известна.

Паклин. Не должно быть, а навверное! Что ж такое? Пари держу, что ему именно от этого и пришла в голову мысль взять тебя в учителя. Что там ни толкуй, а ведь ты сам аристократ – по крови. Ну и значит свой человек! Однако я у тебя засиделся; мне пора в мою контору, к эксплуататорам! До свидания, брат! (*Подошел было к двери, но остановился и вернулся, говорит вкрадчивым тоном.*) Послушай, Алеша, ты мне вот сейчас отказал – у тебя теперь деньги будут, я знаю, но все-таки позволь мне пожертвовать, хотя малость на общее дело! Ничем другим не могу, так хоть карманом! Смотри: я кладу на стол десятирублевую бумажку! Принимаешься? (*Нежданов молчит.*) Молчание – знак согласия! Спасибо! (*Уходит.*)

Нежданов (*оставшись один, подходит к книгам на полу и, расставляя их на этажерку, разговаривает сам с собой*). Какой я учитель! Какой педагог?! (*Заканчивает расставлять книги.*) Фу ты, черт! Я, кажется, собираюсь стихи сочинять! (*Подходит к столу, увидав лежащую на столе десятирублевую бумажку Паклина, сунет ее в карман и расхаживает по комнате.*) Надо будет взять задаток, благо этот барин предлагает. Сто рублей... да у братьев – у их сиятельств – сто рублей... Пятьдесят на долги, пятьдесят или семьдесят на дорогу... а остальные Машуриной. Да вот, что Паклин дал, – тоже ей... (*Останавливается, задумывается... и, устремив глаза в сторону, замер на месте... Потом руки его, как бы оцупью, отыскали и открыли ящик стола, достали из самой его глубины тетрадку... Опускается на стул, все не меняя направления взгляда, берёт перо и, мурлыча себе под нос, изредка взмахивая волосами, перечеркивая, марая, принимается выводить строку за строкою...*)

Входит Машурина. Нежданов не замечает ее и продолжает свою работу.

Голос Василия Николаевича (*медлительный, глухой*). Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционером, как и он сам.⁹

Машурина долго смотрит на Нежданова, качает головою, собирается уходить... Нежданов вдруг выпрямляется и оглядывается.

Нежданов (*с досадой*). А! Вы! (*Швыряет тетрадку в ящик стола.*)

Машурина (*твердо*). Когда можно будет получить деньги? Если вы сегодня достанете, так я сегодня же вечером уеду.

Нежданов (*нахмутив брови*). Сегодня нельзя, приходите завтра.

Машурина. В котором часу?

Нежданов. В два часа.

Машурина. Хорошо. (*Протягивает руку Нежданову.*) Я, кажется, вам помешала; извините меня. Да притом... я вот уезжаю. Кто знает, увидимся ли мы? Я хотела проститься с вами.

Нежданов (*пожимает ее красные холодные пальцы*). Вы видели у меня этого господина? Мы с ним условились. Я еду к нему домашним учителем. Его имение в С...ой губернии, возле самого С.

Машурина (*с радостной улыбкой*). Возле С.! Так мы, может быть, еще увидимся. Может быть, меня туда пошлют. (*Вздыхает.*) Ах, Алексей Дмитрич...

Нежданов. Что?

⁹ Первое предложение из пункта 8 части «Отношение революционера к товарищам по революции» «Катехизиса революционера» (1871 год) С. Г. Нечаева.

Голос Василия Николаевича (*медлительный, глухой*). Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение.¹⁰

Машурина (*принимает сосредоточенный вид*). Ничего. Прощайте! Ничего. (*Еще раз стискивает Нежданову руку и удаляется.*)

Нежданов (*оставшись один*). А во всем Петербурге никто ко мне так не привязан, как эта... чудачка! Но нужно ж ей было мне помешать... Впрочем, все к лучшему!

Сцена на некоторое время погружается в темноту для изменения декорации.

¹⁰ Первое предложение из пункта 7 части «Отношение революционера к самому себе» «Катехизиса революционера» (1871 год) С. Г. Нечаева.

Картина четвёртая

Две стены-панели отодвинуты вглубь сцены, оставаясь расположенными в одну линию, параллельную краю сцены, и сохраняя между собой высокую узкую щель. На стены проецируется усадьба Сипягиных в С..ой губернии. На небольшом расстоянии от стен ближе к краю сцены стоят четыре колонны: две центральные выделяют среднюю половину ширины сцены, а две крайние выделяют левую и правую четверти ширины сцены. Крайние колонны стоят немного ближе к зрительному залу. Все четыре колонны превращаются в верхней части в пышные кроны лиственных деревьев.

Левая четверть сцены – комната Нежданова: письменный стол, два стула, кровать. Нежданов сидит за столом и что-то пишет.

Правая четверть сцены – комната Марианны: кровать, этажерка, стул. Марианна, молодая девушка, в широкой темной блузе, остриженная в кружок, стоит у этажерки и просматривает книги – выбирает какую-то из них для чтения.

Средняя часть сцены – гостиная усадьбы: там за овальным столом играют в карты Сипягин, Сипягина и Калломейцев. У центральных колонн, слева и справа от стола стоят низкие диванчики. У правого диванчика стоит фортепиано.

Марианна переходит в гостиную и садится на правый диванчик.

Нежданов переходит в гостиную и садится на левый диванчик.

Сипягин (*обращаясь к Нежданову*). У нас, Алексей Дмитрич, такая скверная привычка: по вечерам мы играем в карты, да еще в запрещенную игру – в стучолку ... представьте! Я вас не приглашаю... но, впрочем, Марианна будет так добра, сыграет нам что-нибудь на фортепиано. Вы ведь, надеюсь, любите музыку, а?

Марианна садится за фортепиано и играет одну из "песен без слов" Мендельсона.

Нежданов переходит со своего левого диванчика на правый и слушает.

Игроки в карты разговаривают.

Калломейцев (*вынув из кармана жилета большие золотые часы, украшенные эмалью, показывает их Сипягиным*). Вы видели мои часы? Мне их подарил Михаил, знаете... сербский князь... Обренович. Вот его шифр – посмотрите. Мы с ним большие приятели. Вместе охотились. Прекрасный малый! И рука железная, как следует правителю. О, он шутить не любит! Не-хе-хет! Вот нам бы здесь, в нашей губернии, такого Михаила!

Сипягина. А что? Вы разве чем недовольны?

Калломейцев (*наморщив нос*). Да всё это земство! Это земство! К чему оно? Только ослабляет администрацию и возбуждает... лишние мысли... и несбыточные надежды. Я говорил об этом в Петербурге... Но куда там! Ветер не туда тянет. Даже супруг ваш... представьте! Впрочем, он известный либерал!

Сипягина (*выпрямившись*). Как? И вы, мсьё Калломейцев, вы делаете оппозицию правительству?

Калломейцев. Я? Оппозицию? Никогда! Ни за что! Но я говорю то, что думаю. Я иногда критикую, но покоряюсь всегда!

Сипягина. А я так напротив: не критикую – и не покоряюсь.

Калломейцев. О! Да это остроумно сказано!

Марианна заканчивает играть.

Калломейцев (*громко*). Charmant! Charmant! Марианна Викентьевна! Вы в нынешнем году опять намерены давать уроки в школе?

Марианна. И это вас интересует, Семен Петрович?

Калломейцев. Конечно; очень даже интересует.

Марианна. Вы бы этого не запретили?

Калломейцев. Нигилистам запретил бы даже думать о школах; а под руководством духовенства – и с надзором за духовенством – сам бы заводил!

Марианна. (*краснея*). Вот как! А я не знаю, что буду делать в нынешнем году. В прошлом всё так дурно шло. Да и какая школа летом!

Сипягина (*с ироническим трепетанием в голосе*). Ты не довольна подготовлена?

Марианна. Может быть.

Калломейцев. Как! Что я слышу!! О боги! Для того, чтобы учить крестьянских девочек азбуке, – нужна подготовка?

Сипягина. Марианна естественными науками, к искреннему моему сожалению, занимается; и женским вопросом интересуется тоже... Не правда ли, Марианна?

Марианна. Да, тетушка, я читаю всё, что об этом написано; я стараюсь понять, в чем состоит этот вопрос.

Сипягина (*обращаясь к Калломейцеву*). Что значит молодость! Вот мы с вами уже этим не занимаемся, а?

Калломейцев (*сочувственно улыбувшись Сипягиной*). Марианна Викентьевна, исполнена еще тем идеализмом... тем романтизмом юности... который... со временем...

Сипягина (*перебивая*). Впрочем, я клевету на себя, вопросы эти меня интересуют тоже. Я ведь не совсем еще состарилась.

Калломейцев (*поспешно*). И я всем этим интересуюсь, только я запретил бы об этом говорить!

Марианна. Запретили бы об этом говорить?

Калломейцев. Да! Я бы сказал публике: интересоваться не мешаю... но говорить... тссс! (*Подносит палец к губам.*) Во всяком случае печатно говорить запретил бы! Безусловно!

Сипягина (*засмеявшись*). Что ж, по-вашему, не комиссию ли назначить при министерстве для разрешения этого вопроса?

Калломейцев. А хоть бы и комиссию. Вы думаете, мы бы разрешили этот вопрос хуже, чем все эти голодные щелкоперы, которые дальше своего носа ничего не видят и воображают, что они... первые гении? Мы бы назначили Бориса Андреевича председателем.

Сипягина (*еще пуще засмеявшись*). Смотрите, берегитесь; Борис Андреич иногда таким бывает якобинцем... Да, Борис Андреич иногда меня самое удивляет. В нем есть жилка... жилка... трибуна.

Сипягин. Ваши страхи насчет эмансипации, любезный Семен Петрович, напоминают мне записку, которую наш почтеннейший и добрейший Алексей Иваныч Тверитинов подал в тысяча восемьсот шестидесятом году и которую он всюду читал по петербургским салонам. Особенно хороша была там одна фраза о том, как наш освобожденный мужик непременно пойдет, с факелом в руке, по лицу всего отечества. Надо было видеть, как наш милый Алексей Иванович, надувая щечки и тараща глазенки, произносил своим младенческим ротиком: "Ффакел! ффакел! пойдет с ффакелом!" Ну, вот совершилась эмансипация... Где же мужик с факелом?

Калломейцев (*сумрачным тоном*). Тверитинов ошибся только в том, что не мужики пойдут с факелами, а другие.

Сипягина. Я уверена, что вы это говорите только так, для красного словца! (*Обращаясь к Нежданову с любезной улыбкой*). Что же касается до вас, Алексей Дмитрич, я знаю, вы

не разделяете опасений Семена Петровича: мне Борис передал ваши беседы с ним во время дороги.

Нежданов покраснел и пробормотал что-то невнятное.

Калломейцев воткнул, не спеша, свое круглое стеклышко между бровью и носом и уставился на Нежданова.

Нежданов выпрямился и уставился в свою очередь на Калломейцева.

Калломейцев выронил стеклышко, отвернулся и попытался усмехнуться.

Сипягина (*громким голосом*). Марианна! Ты не церемонься перед новым лицом... Кури с богом свою пахитоску. (*Обращаясь к Нежданову*). Тем более, что, я слышала, в вашем обществе все барышни курят?

Нежданов (*сухо*). Точно так-с.

Сипягина (*ласково прищурился свои бархатные глаза*). А я вот не курю, отстала от века.

Марианна медлительно и обстоятельно, словно назло тетке, достала пахитоску, коробочку со спичками и начала курить.

Нежданов тоже закурил папиросу, позаимствовав огня у Марианны.

Калломейцев. Антипатия это странная вещь. Всем, например, известно, что я глубоко религиозный человек, православный в полном смысле слова; а поповскую косичку, пучок – видеть не могу равнодушно: так и закипает во мне что-то, так и закипает! (*Дважды поднимает сжатую руку, представляя как у него в груди закипает.*)

Марианна. Вас вообще волосы беспокоят, Семен Петрович, я уверена, что вы тоже не можете видеть равнодушно, если у кого они острижены, как у меня.

Калломейцев (*снисходительно осклабился*). Конечно, я не могу не сожалеть о тех прекрасных кудрях, подобных вашим, Марианна Викентьевна, которые падают под безжалостным лезвием ножниц; но антипатии во мне нет; и во всяком случае... ваш пример мог бы меня... меня... конвертировать!

Сипягин (*обращаясь к Нежданову*). Алексей Дмитрич, не стесняйтесь, можете идти к себе отдохнуть. У нас в доме главный девиз – свобода!

Нежданов, раскланявшись со всеми, переходит в свою комнату, садится за стол и что-то пишет.

Марианна поворачивается к фортепиано и играет песни без слов Мендельсона.

Сипягина. Он смотрит студентом, и в свете он не живал, но лицо у него интересное, и оригинальный цвет волос, как у того апостола, которого старые итальянские мастера всегда писали рыжим, и руки чистые.

Сипягин. Умная голова! И с сведениями; правда, он красный, да ведь у меня, ты знаешь, это ничего не значит; по крайней мере, у этих людей есть амбиция. Да и сын наш, Коля, слишком молод; никаких глупостей он от него не переймет.

Нежданов (*продолжает писать, звучит голос Нежданова*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.